

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

© 2011 г. А. Л. Журавлев*, Т. А. Нестик**, В. А. Соснин***

* Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Учреждения Российской академии наук Института психологии РАН, Москва

** Кандидат философских наук, научный сотрудник, там же

*** Кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, там же

Рассматриваются состояние и перспективные направления исследований психологических аспектов проблемы стратегической стабильности и ядерного сдерживания на современном этапе международных отношений. Анализируется состояние, концептуально-понятийный аппарат, специфика и перспективные направления психологических исследований ядерного противостояния: виртуальность ядерной угрозы, феномены риска и доверия, социальное взаимодействие по типу “проигравший–проигравший”, психологические черты политических лидеров, социально-психологические аспекты ядерного терроризма, восприятие ядерной угрозы в массовом сознании и др.

Ключевые слова: международная безопасность, стратегическая стабильность, ядерное сдерживание, равенство безопасности, ядерный конфликт, ядерный кризис, ядерный порог, политико-психологические факторы, политическая психология, равновесие, динамический диапазон, неопределенность, переговоры, эскалационное доминирование, кризисное управление, групповое решение, угроза, риск, доверие, виртуальность.

Обострение международных конфликтов, связанных с распространением ядерного оружия, появление новых угроз стратегической стабильности и национальной безопасности делают все более актуальным изучение психологических аспектов ядерного противостояния. Между тем, психологическая проблематика гонки вооружений и ядерной угрозы в целом остается в отечественной психологии мало разработанной. В качестве предварительного анализа и выделения проблемного поля психологических аспектов ядерного сдерживания и стратегической стабильности, на наш взгляд, необходимо:

– во-первых, выделить психологическое содержание проблематики ядерного сдерживания, опираясь при этом на работы ряда ведущих отечественных специалистов [13–15, 29, 30];

– во-вторых, провести анализ имеющейся в настоящее время международной психологической исследовательской практики в этой области.

Основной задачей данной работы является обоснование необходимости учитывать психологические факторы для сохранения международной стратегической стабильности.

Цель нашей статьи – показать значимость нового для отечественной психологии направления

исследований – социальной психологии стратегической стабильности (СС) и ядерного сдерживания (ЯС).

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПОНЯТИЙНОМ ЯЗЫКЕ ОПИСАНИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

Начавшийся в середине XX века процесс осмысления роли и места ядерного оружия в современном мире и последующие шаги по его сокращению и ограничению предопределили потребность выработки “единого понятийного языка” для специалистов, занимающихся этой проблематикой.

В нашей статье будет представлен ряд работ, в которых в том или ином объеме рассматривается концептуально-понятийная проблематика данного направления исследований [5, 8, 14, 15]. Концепции СС начали формулироваться учеными, военными и государственными руководителями стран после резкого наращивания сил ядерного сдерживания СССР и США с конца 1950-х – начала 1960-х годов. Одновременно появились и

первые психологические работы в этой области. В это же время американские специалисты в разработке своих стратегических позиций большую роль отводили исследованиям корпорации *RAND*, проведенных на основе методов системного анализа и психолого-математического моделирования. Эти разработки использовались для аналитического обоснования американской позиции в переговорах с СССР по проблемам ограничения и сокращения стратегических вооружений. Термин “*стратегическая стабильность*” впервые был зафиксирован в Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности между СССР и США (1987 г.) и Договоре СНВ-1 (1991 г.). В тот же период был сформулирован принцип равенства и одинаковой (равной) безопасности сторон при ведении дел и переговоров в области ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений¹.

В проблематике СС и ЯС основными можно считать категории “*международная безопасность*”, собственно “*стратегическая стабильность*”, “*ядерное сдерживание*”, “*ядерный кризис*”, “*ядерный конфликт*”.

Концепция международной безопасности отражает стабильное, неконфликтное функционирование системы международных отношений между субъектами мирового исторического процесса. Это предполагает наличие у них (исходя из защиты своих национальных интересов) мотивации к сохранению СС в международных отношениях (с учетом их экономического, военного, территориального, научно-технического, дипломатического и др. потенциала), а также возможностей (экономических, военно-стратегических и др.) для блокирования действий, ведущих к эскалации противостояния и наращиванию конфликтности в международных отношениях.

Исходя из вышесказанного, концепцию СС можно определить следующим образом: “это состояние военно-стратегических отношений между государствами и группами (блоками, союзами) государств, которое характеризуется длительным устойчивым балансом сил, приводящим к устранению опасности, возникновению ядерного конфликта (ядерной войны) и не позволяющим ни одной из сторон рассчитывать на достижение военно-политических целей путем агрессии без неприемлемых для себя последствий” [5, с. 30].

¹ Путем поиска и достижения договоренностей, повышающих выживаемость, устраняющих стимулы для нанесения первого ядерного удара и отражающих взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными средствами.

Другое близкое определение предлагает А.А. Кокошин: “это состояние неспособности сторон нанести такой упреждающий удар, который позволяет вывести из строя подавляющую часть ядерных сил другой стороны, способных нанести ответный удар возмездия” [14, с. 65].

К базовой концепции примыкают понятия кризисной и региональной стабильности, которые по существу отражают ее содержание. Кризисная стабильность – “это состояние стратегических сил сторон, при котором ни одна из них не решается первой применить стратегические ядерные силы в кризисной ситуации” [5, с. 22]. Региональная стабильность – “это состояние межгрупповых отношений в рамках региона, которое характеризуется устойчивым равновесием сил противостоящих сторон в возможности решения спорных проблем без военного вмешательства” [5, с. 29].

Содержание концепции “*ядерное сдерживание*”², определяется следующим образом: “концепция, согласно которой наличие у государства ядерного оружия является главным фактором, удерживающим потенциальных противников (агрессора) от развязывания против такого государства войны (обычной, крупномасштабной, ядерной) ввиду угрозы возмездия агрессору и нанесения ему неприемлемого ущерба” [5, с. 33].

С другой стороны, ЯС – это такое состояние ядерных потенциалов сторон, при котором у каждой из них устраняются побуждающие мотивы к развязыванию ядерного конфликта (ядерной войны), исходя из неприемлемых для себя последствий в результате ответных действий другой стороны. Другими словами, категории СС и ЯС являются очень близкими, но если СС определяет цели, то ЯС – механизмы и способы (аргументацию) в достижении международной стабильности.

Кроме этого, в концептуально-понятийном описании проблематики СС и ЯС существует ряд дополнительных представлений, имеющих прямое отношение к ее психологическим аспектам. Наиболее полно они рассматривались в работах академика А.А. Кокошина.

Концепции СС и ЯС основываются на учете “...политических, политико-психологических и оперативно-стратегических факторов” [14, с. 7]. В вопросах обеспечения СС, кроме учета тенден-

² Эта концепция включает в себя ряд близких понятий – военное равновесие, деэскалация агрессивности, демонстрация силы, предотвращение войны и ряд других близких понятий.

ций и закономерностей развития военной мысли (различных средств поражения) и динамики изменений в мировой политике, необходимо учитывать "...психологию лиц, принимающих решения" [14, с. 18].

Одна из сложностей обеспечения СС (помимо материальной основы ЯС) "...состоит в том, что люди, формулирующие политические установки..., не всегда четко представляют себе и современную оперативно-стратегическую сферу, и военно-техническую, не имея к тому же "под рукой" необходимой группы экспертов, ученых соответствующей квалификации" [14, с. 20].

Проблема СС – это комплексная междисциплинарная проблема, но она "... в значительной мере – предмет политологии и политической психологии, которые в нашей стране развиты, к сожалению, явно в недостаточной степени" [14, с. 21].

Современные тенденции развития геополитической ситуации в мире актуализируют необходимость обеспечения СС "...в "диадных" отношениях Россия–США... Именно от этих отношений, несмотря на возрастание роли других факторов, зависит обеспечение политико-военной и военно-стратегической стабильности в системе мировой политики в целом" [14, с. 24]. При этом тенденции объективного отставания в количественном отношении российских сил ядерного сдерживания по сравнению с американскими будут все больше увеличивать соответствующие негативные последствия для нашей страны "...политико-психологического и военно-стратегического порядка" [14, с. 25].

Кроме этого, обеспечение глобальной и региональной стратегической стабильности тесно связано с вопросами обеспечения нераспространения ядерного оружия. Перспективы появления новых ядерных государств с непредсказуемым политико-военным и военно-стратегическим поведением, отличающимся от поведения "старых" ядерных держав (РФ, США, КНР, Франции, Великобритании) и недавних членов "ядерного клуба" (Индии и Пакистана, не говоря об Израиле), создают новые угрозы и риски обеспечения СС [14, с. 27].

Понятие "*стабильность*" базируется на определении степени вероятности выведения системы стратегического ядерного взаимодействия сторон из наличного (устойчивого) состояния, что означает вероятность возникновения ядерного кризиса и ядерной войны при имеющемся соотношении

и структуре военных (в первую очередь стратегических) потенциалов сторон.

Главным фактором «...стабильности является наличие ...потенциального барьера, преодоление которого в результате внешних возмущений означало бы переход военно-стратегической "суперсистемы" в новое качественное состояние – от взаимодействия, характерных для мирного времени, к взаимодействию, определяемому принципиально отличной военной логикой, логикой, ведущей к ядерной стратегической войне» [14, с. 60]. Устойчивость равновесия системы зависит от соотношения потенциалов сторон, а также вероятности нарушения сложившегося баланса одной из них и способности другой его восстановить.

Понятия "равновесие" и "стабильность" по содержанию синонимичны и отражают состояние стратегического соотношения сил сторон. Хотя их последующая трактовка специалистами несколько трансформировалась. Термин *равновесие* стал использоваться для отражения количественных параметров существующей "суперсистемы", а *стабильность* – для качественной оценки ее состояния.

Определяя степень устойчивости, исследователи вводят категорию "*динамического диапазона*" или запаса устойчивости. "Наличие такого диапазона, понимание его масштабов создают весьма важные условия для маневра на переговорах, ...для выработки умелых и гибких подходов к формулировкам договоренностей" [14, с. 64]. Его расчет "...представляется особенно важной и актуальной задачей ...при выработке подходов к строительству СЯС и к переговорам по ограничению и сокращению таких вооружений" [там же].

Анализируя состояние СС, специалисты используют понятие "*неопределенности возможности нанесения ракетно-ядерного удара*", способного поразить имеющийся ядерный потенциал противника до уровня, не позволяющего ему нанести адекватный ответный удар. Для обеих сторон отсутствие возможности снизить степень неопределенности до достаточно убеждающего уровня имеет важные психологические последствия при достижении СС, становясь аргументацией в ходе стратегических переговоров: "...повышенная степень неопределенности для обеих сторон действует в направлении повышения устойчивости военно-стратегического равновесия, а не наоборот... И одним из средств, обеспечивающих такую стабилизирующую неопределенность, является соответствующий ограничивающий договор" [14, с. 66]. Более того, масштабы

“неприемлемого” ущерба могут отличаться в восприятии различных высших руководителей одной и той же страны.

Другими словами, в психологическом плане обязателен учет социально-психологических механизмов и феноменов принятия групповых решений по вопросам СС и ЯС. При этом необходимо постоянно иметь в виду, “...что под воздействием сложной совокупности политико-психологических факторов, с появлением мотивов и форм поведения далеко не рационального характера даже частично эффективная противоракетная система может породить у государства [у ее высших руководителей – прим. авторов], обладающего ею, опаснейшую иллюзию возможности отбить более мощный ответный удар другой стороны после того, как он будет ослаблен и дезорганизован внезапным ядерным нападением на ее стратегические силы и систему их управления и связи” [14, с. 69].

Внезапное ядерное нападение и победа невозможны, если нападающий не может предотвратить ядерное возмездие или снизить его мощь до “приемлемого” уровня. Можно считать, что именно в этом “...наиболее агрегированном виде и выражается суть стратегии ядерного сдерживания” [14, с. 69].

Теория и практика СС и ЯС “...у каждой нации специфична, ...отражает особенности национальной психологии, традиции национальной политической и военной культуры” [14, с. 78], именно поэтому анализ этих аспектов приобретает в современных условиях особую актуальность.

Проблема предотвращения эскалационного доминирования. Концепция эскалационного доминирования в проблематике СС и ЯС была введена в аналитический оборот после выхода в свет работы Г. Кана (выходца из корпорации RAND) под названием “Об эскалации” [73]. В целом эта концепция заимствована из социальной психологии конфликта и переговоров или конфликтологии (как ее называют социологи) [10, 17]. Ее содержание включает «...стратегию поэтапного повышения боеготовности одной из сторон в условиях политико-военного кризиса, т.е. повышения “порогов” готовности одной из сторон к нанесению ядерного удара другой стороне для демонстрации своих намерений в политико-военном противостоянии в ходе международного политического кризиса» [14, с. 87]³. Одним из

ярких и поучительных примеров реализации такой стратегии является динамика противостояния между СССР и США в ходе Карибского кризиса в октябре 1962 года [3].

С категорией эскалационного доминирования непосредственно связана и концепция “ядерного конфликта” или “ядерного кризиса”: “это кризисная ситуация, в которую вовлечены один или несколько обладателей ядерного оружия, в ходе развития которой эскалация доходит до уровня, когда одна или более сторон начинают рассматривать практическую возможность применения ядерного оружия” [15, с. 4].

Близким является также понятие “ядерного порога” – это условный момент в ходе военного конфликта, когда может быть принято решение о применении ядерного оружия, мотивируемое расчетом на безнаказанность. Чем сильнее угроза ответного удара, тем труднее принять решение о применении ядерного оружия, и, следовательно, тем выше ядерный порог.

В связи с необходимостью противодействия стратегии эскалационного доминирования возникает проблема решения ряда важных вопросов военно-политического и психологического порядка.

Во-первых, это психология субъектов ведения переговоров по проблематике СС и ЯС, принимающих стратегические решения. Это конкретные люди, имеющие индивидуальные личностные качества, которые могут существенно влиять на принятие стратегических решений в рамках конкретных систем стратегического управления. “Помимо официальных лиц, ведающих вопросами войны и мира (т.е. высшего политического и военного руководства страны. – Прим. авторов), это и соответствующие министры, начальник Генштаба и ряд его заместителей, помощники и советники. Многие из них формально не имеют отношения к политико-военным проблемам, особенно ядерным, но на деле могут в кризисной обстановке, как учит опыт истории, иметь не меньшее влияние, чем те, кому положено по должности готовить решения высшего руководства и обеспечивать его реализацию” [15, с. 6].

Во-вторых, это психология принятия групповых решений. Исключительно важна политико-психологическая устойчивость не только высшего политического и военного руководства, но и всей группы кризисного реагирования. При принятии групповых решений, особенно в условиях ядерного кризиса, возникает ряд психологических эффектов, которые могут существенно вли-

³К этой категории близки понятия “ядерный порог”, “ядерный паритет”, “военное превосходство”, “военная опасность”, “демонстрация силы” и ряд других (см., например, [5] и др.).

ять как на их эффективность, так и на вероятные последствия их реализации. Сюда входит проблема формирования и выработки правил функционирования независимой экспертной группы из числа специалистов соответствующего профиля, играющих роль посредников при принятии групповых решений и рекомендаций высшему руководству страны.

В-третьих, это *психологическая специфика ведения переговоров* по вопросам СС и ЯС с другими субъектами на международном уровне.

Поэтому поведение России на переговорах с США по СС и ЯС должно строиться с учетом как новых политико-военных и военно-технических реальностей, так и специфики психологических закономерностей.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯДЕРНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

С одной стороны, ядерное противостояние имеет психологические аспекты, характерные для межгрупповых конфликтов в целом. С другой – обладает рядом специфических психологических особенностей, игнорирование которых может приводить к ошибочным стратегическим решениям.

К универсальным психологическим механизмам, сближающий ядерное противостояние с другими видами конкуренции и конфликта, можно отнести механизмы эскалации межгрупповой напряженности: 1) межгрупповое восприятие (эффекты межгрупповых сравнений, дискриминации, стереотипизации и обезличивания; формирования межгрупповых предрассудков и образа врага); 2) психологические особенности внутригрупповой динамики и принятия группового решения при наличии внешней угрозы (феномены “группового мышления”, поляризации мнений, группового давления, роста влияния лидера на группу, размывания ответственности и сдвига к риску); 3) механизмы межличностного и межгруппового взаимодействия в процессе переговоров (например, особенности межличностного восприятия, характерные для переговоров мотивационно-когнитивные искажения, различные виды, тактики и приемы социального влияния, а также формирование межличностного и межгруппового доверия). Однако с социально-психологической точки зрения, ядерное противостояние имеет свои особенности, выделяющие его из ряда традиционных форм межгрупповой напряженности и влияющие

на сотрудничество в области ядерного сдерживания и разоружения.

Взаимодействие “проигравший–проигравший”. Этот вид взаимоотношений лежит в основе ядерного противостояния и является редко встречающейся в общественной жизни и малоизученной в социальной психологии формой взаимодействия, на которую следует обратить внимание прежде всего. Как известно, стратегии поведения в конфликте можно классифицировать с помощью пространства из двух шкал: во-первых, ориентация на собственные интересы и, во вторых, ориентация на интересы партнера. Эта классификация позволяет выделить четыре основных типа взаимодействия: “выигравший–выигравший” (одним из вариантов которого является компромисс путем взаимных уступок), “выигравший–проигравший”, “проигравший–выигравший” и “проигравший–проигравший”. В повседневном опыте мирной жизни мы без труда найдем примеры всех стратегий, за исключением последней. Взаимодействие “проигравший–проигравший” возникает в тех исключительных случаях, когда другие варианты невозможны или не оставляют шансов на выживание. История войн, вооруженных столкновений и терактов изобилует примерами добровольного самопожертвования ради нанесения как можно большего урона врагу. Независимо от оценки этих действий как героических или бесчеловечных, они оказываются весьма эффективным средством устрашения, направленного на деморализацию превосходящего в силе противника. Однако сценарий “проигравший–проигравший” в ядерном конфликте является крайним, практически неизвестным истории вариантом стратегии. В войнах с применением обычного оружия героическая гибель имеет глубокий психологический смысл даже в тех случаях, когда идущие на смерть люди не надеются остаться в памяти потомков: они знают, что ценой своей жизни спасают жизни близких. Иными словами, они вступают во взаимодействие по типу “проигравший–проигравший” в рамках долгосрочной стратегии “проигравший–выигравший”. В ядерной войне ситуация принципиально иная: здесь гибель одних членов сообщества не спасает остальных от быстрой смерти или долгого и мучительного вымирания.

Включение личности или социальной группы в данный тип взаимодействия влечет за собой два психологических эффекта, противоположных по своим последствиям: расширение диапазона допустимых методов воздействия и одновременно повышение догматизма и приверженности групповым ценностям.

С одной стороны, высокая вероятность необратимых потерь (вплоть до физического уничтожения) вызывает сужение временной перспективы, когда тщательный анализ долгосрочных последствий принимаемых решений теряет какой-либо практический смысл. Неизбежность тотального уничтожения психологически освобождает лиц, принимающих стратегические решения, от необходимости нести ответственность перед обществом и его политической системой, большинство представителей которой обречены на гибель и не смогут воспользоваться какими-либо политическими и правовыми санкциями. Игнорирование групповых норм, а также стремление опередить противника существенно расширяют диапазон стратегий и тактик взаимодействия, признаваемых допустимыми и оправданными. Иными словами, при наличии высокой вероятности ядерного удара лица и группы, наделенные властью, могут пойти на силовые или дипломатические решения, которые, даже не предполагая использование ядерного оружия, могут спровоцировать другую сторону. Этот же эффект может сказываться и на личном составе вооруженных сил, работниках спецслужб, сотрудниках дипломатического корпуса, не говоря уже о лицах, имеющих техническую возможность привести в действие оружие массового уничтожения. Как справедливо заметил бывший исполняющий обязанности председателя КГБ СССР Л.В. Шебаршин, «выбирая между действием и бездействием, разведчики всегда отдают предпочтение первому. Это не всегда благоразумно, бывают ситуации, где выгоднее не проявлять активности» [9, с. 15, 28]. Таким образом, целенаправленно сформированная субъективная убежденность в высокой вероятности и неизбежности тотального уничтожения может привести к эскалации конфликта даже без реальных на то оснований. В отличие от довольно широкого выбора возможных стратегий в обычной войне (включая возможность временно сдать на милость победителя), в столкновении крупных ядерных держав по большому счету есть только два варианта действий: «выигравший–выигравший» или «проигравший–проигравший».

С другой стороны, высокая вероятность личной смерти, как показывают эмпирические исследования, повышает догматичность личности и ее конформность, стремление следовать социальным нормам [38]. К психологическим защитным механизмам, которые запускаются при напоминании о смерти (например, в связи с терактами или другими неконтролируемыми человеком событиями), относятся стремление повысить свою

самооценку, поддержка культурных норм, рост интрагруппового фаворитизма и аутигрупповой дискриминации, поиск и подчеркивание позитивной идентичности [60, 61]. Под влиянием этих психологических эффектов стремление сохранить позитивную социокультурную идентичность и следование той или иной идеологии могут снижать готовность сторон идти на компромиссы и даже подтолкнуть к иррациональным действиям. В частности, защита национальной культуры или религиозных ценностей может стать основанием для применения ядерного оружия против отдельного государства, этнической группы или западной/восточной цивилизации. Тем не менее, характерная для личности или целенаправленно сформированная самоидентификация с более крупной социальной общностью, например, человечеством, может изменить воздействие перечисленных нами защитных механизмов и способствовать просоциальному поведению в интересах международной безопасности.

Виртуальность ядерной угрозы. Это еще одна психологическая особенность ядерного противостояния. Отсутствие случаев применения ядерного оружия (кроме Хиросимы и Нагасаки), ореол засекреченности вокруг его испытаний, а также затрудненность международного контроля над его созданием и распространением превращают ядерный удар в реальную, но неосязаемую угрозу. И хотя скрыть производство ядерного оружия и подлинную мощность зарядов сегодня крайне трудно, оценками масштабов угрозы по-прежнему относительно легко манипулировать. В отличие от войн и вооруженных столкновений с применением конвенционального оружия, ядерная угроза отсутствует в жизненном опыте ныне живущих политических деятелей. С одной стороны, неосязаемость ядерного потенциала повышает роль психологических факторов при принятии стратегических решений. С другой стороны, она также открывает возможность для манипулирования массовым сознанием, то есть для преуменьшения или, наоборот, преувеличения ядерной угрозы, как это было в случае вторжения США в Ирак.

Виртуальность ядерной угрозы повышает зависимость оценки ситуации от различного рода когнитивных эвристик, личностных черт и эмоционального состояния лиц, принимающих решения. При этом не стоит забывать, что «под воздействием сложной совокупности политико-психологических факторов, с появлением мотивов и форм поведения далеко не рационального

характера даже частично эффективная противоракетная система может породить у государства, обладающего ею, опаснейшую иллюзию возможности отбить менее мощный ответный удар другой стороны после того, как он будет ослаблен и дезорганизован внезапным ядерным нападением на ее стратегические силы и систему их управления и связи” [14, с. 69].

Специфика феноменов доверия и риска в ядерной проблематике. Кроме того, важной особенностью ядерного сдерживания и стратегической безопасности в целом является тот факт, что они основаны на особом типе *доверия*, а не уверенности. Если уверенность предполагает защищенность, независимость и возможность предсказания, контроля над действиями друг друга, исходя из совокупности объективных факторов, то доверие связано с уязвимостью одной или обеих сторон. Еще одна отличительная черта доверия состоит в том, что оно лично: мы можем быть уверены в безличной политической системе, но субъективно доверяем людям или социальным группам с их мотивами и свободой волей.

Разрушительность ядерного оружия, все более изощренные, и доступные способы его доставки на территорию противника, фатальность последствий “ядерной зимы” для мировой цивилизации, а также расширение клуба ядерных держав сделали всех субъектов международных отношений, во-первых, уязвимыми и, во-вторых, взаимозависимыми.

С психологической точки зрения, *СС основана на доверии по расчету*, то есть на ожидании, что другая сторона не считает для себя выгодным нанесение первого ядерного удара, даже если ее действия невозможно проконтролировать. Особенностью доверия как психологического феномена является переживание уязвимости и невозможности контроля действий другой личности или группы. Такая уязвимость связана, как отмечалось выше, с высокой неопределенностью возможности нанесения ракетно-ядерного удара, способного поразить имеющийся ядерный потенциал противника до уровня, не позволяющего ему нанести адекватный ответный удар. Отсутствие возможности снизить степень неопределенности до достаточно убеждающего для обеих сторон уровня имеет важные последствия для достижения стратегической стабильности и соответствующей аргументации в ходе стратегических переговоров.

Особенно важно учитывать тот факт, что межличностное и межгрупповое доверие в от-

ношениях по ядерным вопросам *формируется в условиях постоянно колеблющегося уровня субъективного риска*. Исследования в области психологии доверия показывают, что с ростом уровня риска критерии доверия могут меняться [11, 20]. Можно предположить, что в критической ситуации (то есть при высокой вероятности нанесения ядерного удара) готовность сторон доверять друг другу будет зависеть от других критериев, чем в ходе переговоров с низким и средним уровнем риска (например, по поводу ядерных программ Ирана и Северной Кореи). Критерии и уровень доверия при разных степенях субъективного риска являются, как отмечалось выше, психологическим содержанием так называемого “динамического диапазона” или запаса устойчивости. Доверие сторон друг к другу и субъективный уровень риска являются психологическими факторами повышения сторонами “порогов” своей готовности к нанесению ядерного удара другой стороне. Это будет выступать демонстрацией намерений в политико-военном противостоянии в ходе международного политического кризиса, вплоть до момента, когда одна из сторон начинает рассматривать практическую возможность применения ядерного оружия [14, с. 87]. Примером реализации такой стратегии, как отмечалось выше, является динамика противостояния между СССР и США в ходе Карибского кризиса в октябре 1962 года [19].

Уровень субъективного риска может влиять и на оценку сторонами масштабов приемлемого ущерба, допустимости использования того или иного вида стратегического оружия, и на выбор мишеней для нанесения удара. Все это делает задачу изучения зависимости доверия и особенностей восприятия ситуации от субъективного уровня риска одним из важных и перспективных направлений в психологии ядерного противостояния.

Значение психологических особенностей политических лидеров для специфики ядерного противостояния. Наконец, психологическая специфика ядерного противостояния определяется, помимо прочего, высокой *зависимостью стратегических решений от психологических особенностей небольшого числа лиц*. Если вопросы ядерного разоружения и контроля распространения ядерного оружия находятся под влиянием довольно большого числа политических институтов, то принятие решения о нанесении ядерного удара в кризисной ситуации является прерогативой небольшой группы людей. Следует принимать во внимание и подверженность

первых лиц влиянию со стороны своего ближайшего окружения – людей, психологические характеристики и состояние которых могут иметь большое значение. Не случайно Г. Аллисон, обосновывая теорию бюрократического принятия решений, приходит к выводу о том, что политика национальной безопасности США определяется организационными процедурами и интересами различных административных лиц, а не рациональным выбором и целями президентов [34]. К таким лицам относятся руководители силовых структур, начальник Генштаба и ряд его заместителей, помощники и советники различного ранга. С одной стороны, это лишний раз подтверждает общепризнанную роль межличностных отношений в малой группе, процессов внутригрупповой динамики и особенностей группового принятия решений. С другой – указывает на значимость структурных и содержательных аспектов социальной сети межличностных контактов, пронизывающих коридоры власти и выходящих далеко за пределы правительства. В критической ситуации судьба мира может зависеть от способности управленческой команды быстро найти необходимых экспертов, то есть от личных знакомств, часто неформальных связей.

Завершая анализ психологических особенностей ядерного противостояния, подчеркнем, что для их учета при принятии стратегических решений необходима разработка (и наличие) “*национальной системы кризисного управления*”⁴, содержащей отработанные механизмы⁵ урегулирования конфликтных и кризисных ситуаций и включающей в себя, прежде всего, высший государственный уровень, разведслужбы, “цепочку” управления вооруженными силами от стратегического до тактического уровня, механизмы дипломатии, а также экспертов, в состав которых могли бы входить и психологи.

⁴ “...Важность наличия такой системы кризисного управления до сих пор недооценивается ни учеными, ни государственным аппаратом, ни политическим классом в целом. Эта тема остается практически без внимания в отечественной конфликтологии, ...что связано со слабовыраженной традицией проведения серьезных политологических (можно добавить, и политико-психологических – прим. авторов) исследований с использованием крупных массивов эмпирических данных” [14, с. 89].

⁵ По существу, это стратегия (или механизмы) управления публичными демонстрациями готовности одной стороны противодействовать эскалации доминирования другой стороны. Такие демонстрации являются важной стороной искусства “стратегического жеста” и включают, кроме военно-стратегических, и психологические составляющие (выбор оптимального времени демонстрации, форма подачи этих жестов в СМИ, запрограммированные “утечки информации” и др.).

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ЯДЕРНОЙ УГРОЗЫ И ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

В отечественной социальной психологии проблематика ядерной угрозы затрагивалась лишь косвенно, преимущественно в связи с восприятием людьми угрозы радиоактивного заражения [18, 23, 26]. За исключением немногочисленных работ, посвященных психологии мира в целом [16, 24], международное ядерное противостояние отечественными психологами специально не анализировалось. Напротив, в зарубежной социальной психологии проблематика ядерной войны и ядерного сдерживания активно разрабатывалась на протяжении, последних 40 лет. Можно выделить как минимум две основных причины такого положения в отечественной науке. Во-первых, изучение психологических аспектов гонки вооружений если и проводилось по заказу государства, то в рамках “закрытой” тематики; результаты таких работ имели статус “для служебного пользования” и не публиковались открыто. Во-вторых, неразвитость гражданского общества в нашей стране препятствовала возникновению психологии ядерного сдерживания как самостоятельного направления, активно развиваемого психологами по собственной инициативе.

Первые исследования психологических аспектов ядерного противостояния относятся к 1960-м гг. Так, например, внимание социальных психологов уже тогда привлекла к себе роль “образа врага” в формировании политики ядерного сдерживания [44]. Специалисты по психологии конфликта включились в поиски методов снижения международной эскалации в ядерную эпоху [52]. По заказу Министерства обороны США также изучались психологические последствия ядерного удара, в частности, исследователей интересовало психологическое состояние людей, длительное время находящихся в убежище. В общем виде психологические аспекты ядерной войны затрагивались в работах политологов и экономистов корпорации *RAND*, получивших впоследствии название “теория ядерного сдерживания первой и второй волны”.

Начало первой волне положил отчет Йельского института международных исследований, подготовленный в 1946 г. командой исследователей (Ф. Данн, П. Корбетт, А. Уольферс и У. Фокс) под руководством Бернарда Броуди [109]. Несмотря на наличие других аналогичных работ [45, 51, 65], именно данный отчет стал первой

попыткой комплексного анализа политических и психологических последствий наличия и применения ядерного оружия. Б. Броуди, прозванный “американским Клаузевицем”, одним из первых показал, что назначение ядерного оружия состоит не в его применении, а в устрашении самой возможностью ядерного удара [43]. Иными словами, еще до начала в 1949 г. гонки ядерных вооружений стало очевидно, что атомные бомбы являются, прежде всего, “психологическим оружием”.

Вторая волна публикаций в области теории ядерного сдерживания, опирающаяся в значительной степени на математические модели и теорию игр, относится к периоду работы Б. Броуди и его коллег в корпорации *RAND* (с 1951 по 1966 г.). Оснрвными ее идеологами стали аналитики *RAND*, имевшие большое влияние на Пентагон: Г. Кан, А. Вольстеттер, У. Кауфман, Т. Шеллинг и др. Концепции “второй волны” строились на трех ключевых принципах: 1) противник обязательно воспользуется возможностью нанести удар и расширить свое геополитическое влияние; 2) сдержат агрессию можно через убеждение противника в том, что удар по своим последствиям менее выгоден, чем статус-кво; 3) противник должен быть уверен не только в способности нанести ответный удар, но и в решимости политиков сделать это [73, 118]. Одним из психологических следствий из данных положений была предложенная Томасом Шеллингом концепция “рациональности иррационального”: сдерживание будет эффективным только в том случае, если удастся убедить противника в том, что обороняющаяся сторона достаточно иррациональна, чтобы нажать на кнопку и запустить процесс всеобщего уничтожения [100]. Иными словами, психологические факторы (воспринимаемая противником угроза, уверенность в его готовности к решительным действиям) имеют большее значение для сдерживания, чем реально имеющийся технический и ядерный потенциал.

В большинстве своем теоретики корпорации *RAND* не участвовали в боевых действиях Второй мировой войны. Опираясь на модель рационального выбора и математическую теорию игр, они имели весьма отдаленное представление о психологических особенностях поведения людей на войне, а также во время кризисов, чреватых войной. Возможно, это послужило одной из причин их стремления довести свои сценарии до логического конца и просчитать “невозможное”. Так родилась концепция “гарантированно-го взаимного уничтожения”, согласно которой

необходимо создать объективные военно-технические условия, которые, будучи принятыми во внимание при математических расчетах, убедят потенциального противника в возможности ответного удара, несущего возмездие. Автором концепции стал Герман Кан, ведущий аналитик *RAND* и влиятельный футуролог. Он пришел к выводу, что сдерживание будет успешным лишь в том случае, если победу в ядерной войне считать возможной и готовиться к ней заранее. По мнению Г. Кана, часть населения и государственные структуры могут выжить после ядерной войны, как это уже было после эпидемии “черной смерти” в средневековой Европе. Аппетиты враждебных ядерных государств может умерить лишь гарантия выживания США в ядерной войне. Для этого необходимы не только мощный, хорошо защищенный ядерный арсенал, но и системы противоракетной и гражданской обороны, своего рода “ноев ковчег”, способный пережить “ядерную зиму”. Впервые сформулированная Г. Каном, эта концепция обрела второе дыхание в начале 1980-х гг. в работах профессора Колина Грея, являвшегося в то время советником администрации президента США.

В настоящей статье нет возможности подробно рассматривать многочисленные опровержения возможности выживания в ядерной войне, с которыми выступили в 1980-х гг. как зарубежные, так и отечественные ученые [2, 7, 12, 22, 27], в том числе межведомственная группа академика Е.П. Велихова. В первую очередь нас будет интересовать то, как на политологические концепции ядерного сдерживания реагировала психологическая наука.

Психологические работы, посвященные гонке ядерных вооружений в 1970–1980-е гг., в значительной степени строились на критике классических теорий ядерного сдерживания, предполагающих абсолютную рациональность принятия решений в ходе международного конфликта. Оказалось, что решения о приобретении ядерного оружия и нанесении удара могут быть связаны с большим количеством когнитивных и мотивационных искажений на индивидуальном и групповом уровне, способных привести к катастрофическим ошибкам [34, 66, 94, 108]. Данные когнитивные искажения будут подробно рассмотрены ниже в связи с индивидуально-психологическими факторами ядерного сдерживания.

Пик интереса психологов к проблемам гонки ядерных вооружений приходится на вторую половину 1980-х гг. В это время активно обсуждается

роль психологов в борьбе за ядерное разоружение и необходимость освещения рисков ядерной войны в СМИ [40, 41, 47, 48, 54, 87, 111–113]. В это же время появляется несколько монографий, обобщающих данные эмпирических исследований в области когнитивных аспектов сдерживания; психологических последствий ядерной угрозы; психологии поведения людей, выживших после ядерного удара [37, 71, 77]. Лейтмотивом этих работ является вывод о том, что политики ошибочно оценивают силы противника, его намерения и готовность к применению ядерного оружия.

Наиболее многочисленными в эти годы оказались эмпирические исследования восприятия ядерной угрозы рядовыми американцами и молодежью различных стран. Были разработаны методы психотерапевтической помощи при детских страхах ядерной войны [53], а также специальные методики оценки отношения личности к применению ядерного оружия [46, 83, 91]. Большинство данных методик являются стандартизированными психологическими опросниками, состоящими из утверждений, степень согласия с которыми предлагается оценить по 5- или 7-балльной шкале Лайкерта: “Для обеспечения безопасности нашей страны необходимо производить как можно больше ядерного оружия”; “Мне кажется, что в течение ближайших 10 лет может быть ядерная война”; “Я думаю, что у меня есть шанс выжить в ядерной войне”; “Создание ядерного оружия – эффективное средство устрашения”; “В ядерной войне победить невозможно” и т.п. Эти опросники измеряют убеждения и установки по отношению к ядерным проблемам в целом, созданию ядерного оружия [64, 72, 81, 90, 120], ядерной войне [79, 89]; степень осведомленности в ядерных вопросах [76]; оценку эффективности борьбы за безъядерный мир и готовность в ней участвовать [84, 101, 116].

В ходе разработки и стандартизации этих методик выявлялась эмпирическая структура представлений американцев о ядерной угрозе, отраженная в результатах факторного анализа и соответствующих шкалах. Так, например, методика Р. Цвайгенхафта, состоящая из 27 пунктов, измеряет представления о вероятности и степени разрушений, возможности выживания в ядерной войне, а также уровень тревоги по поводу ее начала. Исследование структуры представлений о ядерной войне в массовом сознании позволило Д. Мейтону разработать методику со шкалами *Гражданская безопасность*, *Эскалация войны*, *Последствия ядерной войны*, а также *Вероят-*

ность войны и связанные с ней тревоги [81, 82]. Л. Нельсон и Ч. Слемом была разработана методика для изучения отношения к различным стратегиям в области ядерного вооружения (*Nuclear Weapons Policies Questionnaire, NWPQ*). Утверждения опросника сгруппированы в несколько блоков: “Контроль ядерных вооружений”, “Озабоченность поддержанием ядерного превосходства”; “Намерения СССР в области контроля над ядерными вооружениями”, “Стратегическая оборонная инициатива Р. Рейгана”, “Вероятность войны”, “Последствия войны”, “Озабоченность возможностью ядерной войны” и “Замораживание ядерных вооружений” [89].

Для измерения тревоги в связи с возможностью ядерной войны М. Ньюкомб разработал “Опросник отношения к ядерным проблемам” (*Nuclear Attitudes Questionnaire, NAQ*), включающий в себя такие шкалы, как *Озабоченность ядерными проблемами*, *Поддержка создания ядерного вооружения*, *Страх будущего и Отрицание важности ядерных проблем* [90]. Особый интерес представляет методика под названием “Ядерные ориентации” (*Nuclear Orientation Questionnaire, NOQ*), позволяющая оценить отношение к ядерным проблемам в контексте общего мировоззрения личности [63, 64]. Ее авторами были выделены такие ориентации, как 1) романтизм – вера в то, что благоразумие политиков удержит их от ядерного конфликта; 2) гедонизм – убеждение в том, что пока не началась ядерная война, нужно жить настоящим и получить от жизни как можно больше; 3) стоицизм – уверенность в том, что война неизбежна, но часть человечества выживет; 4) поддержка устрашения – убеждение в том, что войны можно избежать благодаря наращиванию ядерного арсенала; 5) альтруистический фатализм – признание своей неспособности предотвратить ядерную войну в сочетании со стремлением сделать как можно больше для людей вокруг себя; 6) поддержка разоружения – вера в возможность предотвратить войну силами общественности; 7) теизм – вера в то, что “все в руках Господа”; 8) элиминационизм – убеждение в том, что враждебные ядерные государства должны быть сметены с лица земли опережающим ядерным ударом; 9) надежда на выживание – вера в то, что, подготовившись заранее, можно успешно пережить ядерную войну.

После спада популярности ядерной темы у психологов в 1990-е гг., связанного с прекращением Холодной войны, число соответствующих публикаций снова стало расти в 2000-е гг. [39,

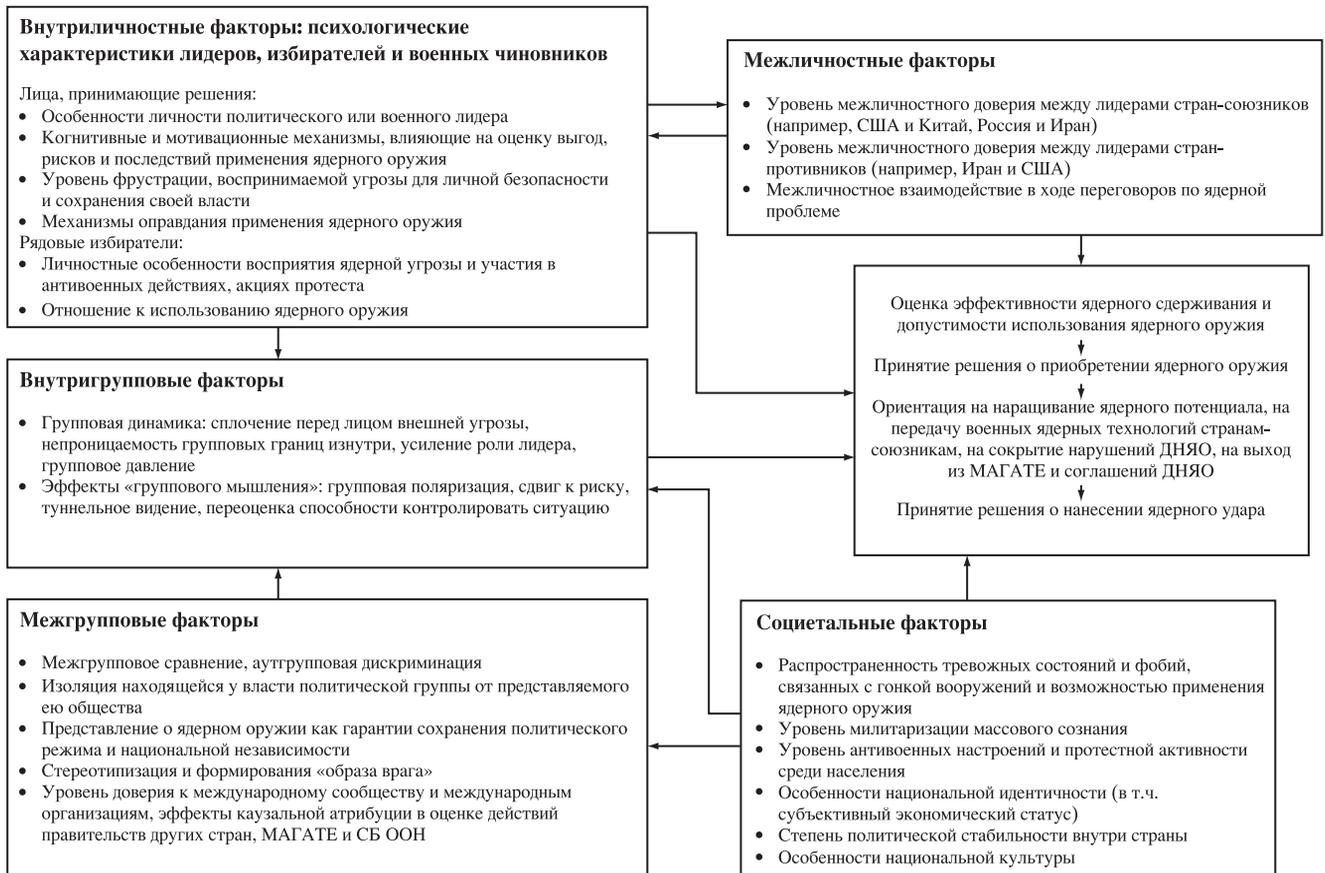

Рис. Социально-психологические факторы гонки вооружений и ядерного сдерживания

58, 67, 93]. Находясь под влиянием теории идентичности и социального конструкционизма, эти работы подчеркивают роль социокультурных и социокогнитивных процессов, влияющих на эффективность ядерного сдерживания. Все большее внимание уделяется не только политологическим, но и психологическим аспектам ядерного терроризма [4, 13, 74].

Психологические факторы эффективности ядерного сдерживания, как и любые другие социально-психологические феномены, могут быть систематизированы в соответствии с уровнями социально-психологического анализа: внутриличностным, межличностным, внутригрупповым, межгрупповым и социетальным (см. рисунок). При этом хорошо заметна существенная диспропорция в количестве исследований: внутриличностные и групповые факторы значительно лучше изучены, чем межличностные, межгрупповые и социетальные.

Среди *внутриличностных, индивидуально-психологических факторов* эффективности ядерного сдерживания следует выделить когнитивные и мотивационные искажения, а также особенности

личности политика, принимающего решения. На принятие решений в условиях ядерного противостояния сказываются такие когнитивные эффекты, как самоуверенность в правильности своего решения, фундаментальная атрибутивная ошибка, недооценка сделанных противником уступок [108].

Эффект самоуверенности в своих суждениях и прогнозах проявляется в избыточном оптимизме и преувеличении своей способности контролировать ситуацию. В международных отношениях этот эффект выражается в стремлении политика сбросить со счетов точки зрения и факты, противоречащие выбранной позиции, а также в переоценке своей способности выявлять подлинные намерения, скрытые за действиями руководства других государств [68]. Например, И.В. Сталин в 1941 г. закрывал глаза на очевидные факты, ошибочно полагая, что гитлеровская Германия не начнет войну в ближайшее время. Точно так же израильское руководство перед атакой египетских и сирийских войск, совершенной во время праздника Йом-Кипур 6 октября 1973 г., не смогло правильно оценить имевшуюся оперативную

информацию, будучи убежденным в слабости арабских государств. И наоборот, сверхуверенные сторонники начала войны могут недооценивать готовность другой стороны к сопротивлению [80]. Ярким примером могут служить решение США о введении вооруженных сил в Афганистан, а также российские военные кампании в Чечне. Сверхуверенность тесно связана с устойчивостью стереотипов и предубеждений. Например, предубеждение политиков Израиля в отношении абсолютной враждебности арабского мира подтолкнуло их к приобретению и созданию ядерного оружия.

Еще одной когнитивной ловушкой при принятии решений по ядерным вопросам может быть метафора “эскалации напряженности”, вызывающая в воображении лестницу, по которой стороны в любой момент могут сделать шаг вверх или вниз [108]. Иными словами, политики могут переоценивать свою способность влиять на ситуацию, идя на поводу у используемых ими в речи метафор. Использование метафор и аналогий не только способствует более глубокому пониманию международных процессов, но и часто приводит к ошибочным выводам. Например, принимая решение о вторжении во Вьетнам в 1965–1973 гг., американские руководители опирались на ошибочную аналогию с войной в Корее в 1950–1953 гг. [75].

Фундаментальная ошибка атрибуции состоит в том, что при объяснении действий личности или группы основное внимание уделяется их внутренним мотивам и чертам, а не особенностям ситуации, в которой те находятся [21]. А ситуация в международных отношениях такова, что для обеспечения собственной безопасности государства вынуждены либо наращивать вооруженные силы, либо вступать в военные альянсы, гарантирующие поддержку более сильных партнеров. С учетом этой “дилеммы безопасности” [69] политикам крайне трудно отличить государство, принимающее защитные меры в навязанной ему ситуации, от государства, стремящегося к экспансии. Парадокс состоит в том, что для большинства дипломатов и государственных руководителей характерна презумпция собственной невиновности: не учитывая феномена фундаментальной атрибутивной ошибки, они знают, что действуют в целях самозащиты и думают, что это известно всем остальным.

Эффект недооценки уступок, известный также под названием *реактивной девальвации уступок*, наиболее часто проявляется в переговорах: уступка воспринимается как незначительная только потому, что она сделана другой стороной. Полу-

чив уступку, переговорщик не готов отвечать на нее равноценным предложением или добивается от уступившего еще большего [17, 88]. Очевидно, что обмен уступками во время ядерного кризиса может быть блокирован недоверием сторон друг к другу: неосознаваемое политиками обесценивание предложений другой стороны может провоцировать их на использование “стратегических жестов” в виде повышения уровня боеготовности ядерных сил.

Среди мотивационных искажений большое значение может иметь стремление оправдать свои решения “задним числом”: даже при наличии очевидных доказательств неизбежности ответного удара, решение может быть принято в пользу нападения, так как стремление к самонепротиворечивости искажает восприятие ситуации. Например, наличие ядерного оружия у США не сдержало СССР от размещения ракет на Кубе, а его наличие у Великобритании не удержало Аргентину от захвата Фолклендских островов [80]. Высокий уровень эмоционального возбуждения под влиянием пугающей информации также может быть фактором принятия решения о ядерном ударе [33].

Не менее существенными для международной безопасности и ядерного сдерживания могут быть *личностные особенности отдельных политиков*. Так, например, анализ противоречий в кругах американской политической элиты в 1898–1968 гг. показывает, что политики, характеризовавшиеся доминантностью в межличностных отношениях, были более склонны к решению политических и международных вопросов силовым путем, а экстраверты были более склонны к поиску компромиссных решений, чем интроверты. Влияние индивидуальных различий в разрешении конфликтов подтверждается лабораторными экспериментами.

Например, авторитарность лидеров может повышать вероятность использования ядерного оружия, однако, если бы все руководители ядерных держав были авторитарными личностями, эффективность ядерного сдерживания была бы более высокой. Как известно, авторитарная личность отличается высоким этноцентризмом, подверженностью стереотипам и предрассудкам, готовностью подчиняться власти [1, 31]. Экспериментальное исследование Б. Альтмейера, все испытуемые которого характеризовались высоким показателем авторитаризма правого толка, показало, что, играя роль руководителей государств, такие участники придерживались правила “мы не трогаем вас, а вы – нас”. Высокий консерва-

тизм и этноцентризм удерживали внимание таких руководителей на проблемах своего государства, при этом их активность в совместном решении глобальных проблем оказывалась очень слабой. Однако, когда участниками эксперимента стали авторитарные личности с выраженным стремлением к власти, ситуация изменилась: они гораздо более активно вели переговоры друг с другом, однако, стремясь расширить свое влияние, подталкивали мир к ядерной войне [35]. Было обнаружено, что лидеры с националистической социальной идентичностью более эмоциональны при принятии стратегических решений и сильнее ориентированы на приобретение или создание ядерного оружия как способ защиты национальных интересов [67].

Индивидуально-психологические различия могут влиять и на восприятие ядерной угрозы рядовыми избирателями. На это указывает целая серия эмпирических исследований отношения подростков и студентов к ядерной войне [41, 49, 50, 107, 115]. Известно, что, по сравнению с женщинами, мужчины более терпимо относятся к использованию ядерного оружия [105], а степень осведомленности о ядерной войне прямо связана с пессимистическими оценками возможности выживания после нее [120]. Согласно эмпирическим исследованиям, противники ядерного разоружения более склонны полагаться на мнение экспертов, опасаться противника, считать его бесчестным и не заслуживающим доверия, при этом активисты прекращения гонки вооружений представляются им глупыми и непатриотичными [54, 55].

Факторами страха ядерной войны разные исследователи называют: уровень тревожности, низкую самооценку и подверженность воздействию СМИ, низкую оценку субъективного благополучия и низкий самоконтроль [82, 83]; отсутствие жизненных целей и неудовлетворенность жизнью, страх перед будущим [90]; ориентацию на ценности универсализма, доброжелательности, безопасности и конформности [42]; пол, возраст и принадлежность к тревожному типу [117]; пол, недоверие к правительству и интерес к международным отношениям [98]; конформность и круг общения [92]; пол и религиозность [82].

Большое количество исследований было посвящено индивидуально-психологическим факторам участия личности в акциях протеста против гонки ядерных вооружений [57]. Изучалась мотивация участников антиядерного движения [36, 114], а также причины подъема антиядерного движения в Канаде и США в начале 1980-х и его

спад в конце 1980-х [104]. Была обнаружена связь субъективного экономического статуса и веры в возможность повлиять на вероятность ядерной войны [64]. Готовность к участию в общественном движении за разоружение связана с такими факторами, как оценка вероятности ядерной войны и вера в эффективность коллективных акций протеста [85], уровень морального развития личности, влияние просмотра видеофильмов и телепередач [62, 78, 85, 101]. Отказ от участия в антиядерных акциях протеста связан с представлением о невозможности повлиять на ситуацию личными усилиями и эффектом приобретенной беспомощности [59].

Межличностные факторы эффективности ядерного сдерживания мало изучены. Они проявляются прежде всего в отношениях между главами стран. Влияние межличностного восприятия и установок на стратегические решения подтверждается изучением психологических аспектов международных переговоров [61], моделированием переговоров в диаде по поводу гонки вооружений [106], а также ролью межличностного доверия в разрешении Карибского кризиса [103].

Среди *внутригрупповых факторов* ключевую роль играют эффекты “группового мышления”, впервые обнаруженные в ходе Карибского кризиса. Как оказалось, эксперты с высокими интеллектуальными способностями и нравственными качествами могут принимать гораздо более рискованное и ошибочное совместное решение по сравнению с решениями, которые они бы приняли порознь. Такие факторы, как директивный стиль руководства, высокая сплоченность и наличие внешней угрозы, подталкивают членов группы к необдуманному и крайне рискованному решению. Проявлениями эффекта группового мышления являются сверхоптимизм, групповая поляризация, групповое давление, приводящее к недооценке мнений меньшинства, а также известный феномен *сдвига к риску*. Эффект сдвига к риску был впервые обнаружен в 1962 г. Дж. Стоунером. Он предлагал участникам эксперимента сначала зафиксировать свое личное мнение по ряду вопросов, включавших рискованную альтернативу (например, должна ли футбольная команда при равном счете идти в атаку, открывая ворота в последние минуты матча; следует ли вкладывать деньги в опасное дело, сулящее большую и быструю прибыль и т.д.). Оказалось, что в ходе последующего группового обсуждения 12 из 13 групп согласились на более рискованную альтернативу. Более того, после группового обсуждения индивидуальные мнения участников тоже сдвигались

в направлении более рискованных вариантов решения. В ряде исследований было показано, что в ходе групповой дискуссии происходит усиление той позиции, которую – в более мягкой, менее категоричной ее форме – разделяли большинство участников. Чем сильнее групповая идентичность участников обсуждения, чем выше их сплоченность, тем больше вероятность поляризации и сдвига к риску. Причем экстремисты, с самого начала занимающие крайнюю точку зрения по отношению к остальным участникам обсуждения, сдвигают ее к еще более крайней позиции. С точки зрения теории самокатегоризации, эффект поляризации объясняется ориентацией участников дискуссии на прототипический образ своей группы: т.е. сдвиг происходит в направлении той точки зрения, которая представляется наиболее ярким маркером принадлежности к данной группе. Групповое мышление и сдвиг к риску могут приводить к эскалации международных конфликтов (например, вступление вооруженных сил Китая в Корею 25 октября 1950 г., решение Белого дома о высадке десанта в заливе Свиней на Кубе 17 апреля 1961 г. и т.д.). Роль внутригрупповых процессов подтверждается при моделировании принятия решений штабом Кеннеди в ходе Карибского кризиса [99], а также моделировании влияния авторитарных лидеров на гонку вооружений [35]. Еще одним групповым фактором гонки ядерного вооружения оказалась корпоративная культура и групповая сплоченность разработчиков ядерного оружия [95], а религиозные представления о неизбежности Судного дня, как оказалось, могут повлиять на принятие решения о ядерном ударе офицерами стратегических сил [76].

К *межгрупповым факторам* гонки вооружений и ядерного сдерживания относятся такие феномены, как межгрупповое сравнение, групповая идентичность, эффекты аутгрупповой дискриминации и ингруппового фаворитизма. Искаженное межгрупповое восприятие является одним из основных факторов гонки ядерных вооружений. Роль межгруппового восприятия столь существенна, что некоторые исследователи предлагают описывать ядерное противостояние не как “дилемму заключенного”, а как “перцептивную дилемму” [96].

Первоначально в изучении конфликтов широко использовалась теория игр и принцип максимизации полезности, а психологические факторы не принимались во внимание. Среди моделей ядерного противостояния, разработку которых в 1960–1980 гг. финансировали американские военные структуры и администрация НАТО, наи-

большую популярность получила игра “Дилемма заключенного”. Название игра получила по своей первоначальной версии. В ней заключенные стоят перед дилеммой: выдать тайну своего напарника и сократить срок своего заключения или договориться о молчании и немедленно выйти на свободу. Применительно к гонке вооружений игра предполагает четыре варианта поведения супердержав: 1) взаимное разоружение обеих сторон; 2) наращивание вооружения Россией при разоружении США; 3) наращивание вооружения США при разоружении России; 4) взаимное наращивание вооружений. Математические расчеты показывают, что обеим сторонам выгоднее наращивать вооружения независимо от того, какую стратегию выбирает соперник. Между тем, поведение в данной модели определяется не столько расчетом, сколько представлениями о намерениях другой стороны. С учетом психологии межгрупповых отношений “дилемма заключенного” выглядит как “дилемма восприятия”: 1) обе стороны считают наиболее выгодным взаимное разоружение; 2) они больше всего опасаются разоружиться в тот момент, когда соперник будет вооружаться; 3) обе считают, что другая сторона в любой ситуации предпочтет вооружение разоружению [96].

В условиях конкуренции межгрупповое восприятие искажается социальными стереотипами и этническими предрассудками, которые затрудняют адекватную оценку намерений другой стороны и подталкивают к наращиванию вооружений. При дальнейшей эскалации межгруппового конфликта стороны утрачивают способность замечать позитивные изменения в действиях друг друга. Формируется образ врага, противники превращаются в “нелюдей”, по отношению к которым выглядит оправданным использование любых средств уничтожения [25, 119].

Наконец, *социетальные*, то есть относящиеся к обществу в целом, факторы эффективности ядерного сдерживания связаны прежде всего с тем, что при принятии решений в области ядерной безопасности политикам приходится учитывать давление со стороны национальных и международных политических и бюрократических групп интересов, а также влияние СМИ и общественного мнения [34, 56]. Влияние на массовое сознание в своей стране и в стране-противнике является одним из действенных психологических инструментов ядерного сдерживания.

В целом приходится констатировать, что наиболее изученными в настоящее время являются внутриличностные и внутригрупповые психоло-

гические факторы ядерного сдерживания, тогда как межличностный, межгрупповой и социетальный уровни анализа освоены в значительно меньшей степени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе нами была предпринята попытка обоснования нового для отечественной психологии направления исследований – социальной психологии ядерного сдерживания и стратегической стабильности. Нами описано проблемное и предметное поле данного научного направления, показаны связи психологических проблем ядерного сдерживания с более общими проблемами социальной психологии, выделен тезаурус, намечены наиболее перспективные темы дальнейших исследований, а также сформулирован научно-практический смысл разрабатываемого направления.

Проведенный анализ психологической проблематики ядерного сдерживания позволяет сделать следующие основные выводы.

По мере совершенствования стратегических вооружений, увеличения диспропорций в их потенциале у ядерных держав, а также ускоряющегося распространении ядерного оружия психологические аспекты ядерного сдерживания становятся *не менее важными* для обеспечения стратегической стабильности, чем собственно техническое превосходство.

Предметным полем психологии ядерного противостояния являются психологические закономерности гонки ядерных вооружений; индивидуальные и групповые психологические характеристики, влияющие на решения о сокращении ядерного оружия, его создании и распространении; отношение к его применению и возможным последствиям ядерной войны. В качестве *объекта* психологии ядерного сдерживания могут выступать личность, малые и крупные социальные группы (от диады до нации и мирового сообщества), их поведение и деятельность, процессы межличностного и межгруппового взаимодействия, связанные с созданием, распространением и использованием ядерного оружия.

К психологическим феноменам и механизмам, влияющим на стратегическую стабильность, можно отнести психологические особенности взаимодействия типа “проигрыш–проигрыш”, субъективный характер ядерной угрозы и механизмы ее восприятия, формирование межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях

риска, особенности принятия решений и ведения переговоров в кризисных ситуациях, социально-психологические закономерности межгруппового восприятия, механизмы формирования отношения к использованию ядерного оружия в массовом сознании.

Можно выделить пять основных групп психологических факторов, влияющих на рост и распространение ядерных вооружений, а также на готовность их использовать: внутриличностные, межличностные, внутригрупповые, межгрупповые и социетальные. В заключение нам хотелось бы обозначить ряд важных тем, относящихся к перспективным направлениям исследований в этой области.

Во-первых, это выявление социально-психологических особенностей лиц, принимающих политико-стратегические решения в области ядерного сдерживания, и оценка их возможного влияния на принятие стратегических решений как в ходе переговоров в кризисных ситуациях, так и при проведении международной политики в целом. Большой интерес представляют исследования, направленные на уточнение той роли, которую играют в принятии стратегических решений эмоциональные состояния, индивидуальные стратегии совладания со стрессом, интуиция, особенности личной и социальной идентичности.

Во-вторых, важной задачей является дальнейшее уточнение психологической специфики ведения переговоров по вопросам стратегической стабильности с другими международными субъектами этого процесса. В связи с этим чрезвычайно перспективно изучение формирования межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях субъективного риска. Также крайне мало изученным остается влияние кросскультурных различий на ход переговоров о нераспространении и сокращении ядерного оружия. В частности, требует уточнения факт зависимости принятия решений в условиях эскалации ядерного противостояния от таких культурных характеристик, как коллективизм, дистанция власти, избегание неопределенности, ориентация на долгосрочные отношения. В связи с ростом опасности ядерного терроризма не менее важно изучение влияния на готовность к несимметричному ответу этнокультурной идентичности и стремления ее сохранить, т.е. использование ядерного оружия как защиты от заведомо более сильного противника, угрожающего интересам и ценностям той или иной этнической группы.

В-третьих, требует дальнейшей разработки проблема управления психологическими аспекта-

ми принятия групповых решений, а также специфики работы группы кризисного управления при выработке стратегических решений в области ядерного сдерживания. Несмотря на обилие литературы, посвященной групповому мышлению и защитным групповым механизмам, все еще недостаточно исследованными остаются факторы, от которых зависит способность управленческой команды извлекать уроки из предшествующего опыта, анализировать отдаленные последствия стратегических решений. Так же мало изучено влияние социального окружения руководителя на его решения. В частности, воздействие структуры его межличностных отношений и круга общения на восприятие противника, исходящей от него ядерной угрозы, допустимость применения ядерного оружия.

В-четвертых, большое теоретическое и прикладное значение имеет изучение социально-психологических факторов, влияющих на отношение крупных социальных групп к ядерной угрозе, а также на оценку допустимости применения ядерного оружия в массовом сознании. Перспективными в этой связи являются исследования в области медиапсихологии, а также работы, посвященные коллективной памяти и социальным страхам.

При этом в ближайшее время нам представляется необходимым сосредоточить усилия на разработке нескольких наиболее важных, на наш взгляд, научно-исследовательских проблем, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение. Первое – это психологическая специфика особого типа межличностного и межгруппового взаимодействия “*проигравший–проигравший*”, мало изученного в отечественной и зарубежной психологии – взаимодействия, целью или наиболее вероятным исходом которого является взаимный проигрыш, вплоть до полного взаимоуничтожения. Второе – это *социально-психологические аспекты ядерного терроризма*, то есть использования ядерного оружия в качестве несимметричного ответа. Третье – это *психологические особенности восприятия в массовом сознании ядерной угрозы*, связанной с международной напряженностью и терроризмом, влияние различных социальных страхов и коллективного образа будущего на представления о допустимости использования ядерного оружия. Четвертое – изучение *психологических механизмов формирования межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях субъективного риска* в ходе принятия стратегических решений и переговоров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001.
2. *Александров В.В., Моисеев Н.Н.* Ядерный конфликт глазами климатологов и математиков // Вестник АН СССР. 1984. № 11. С. 65–76.
3. *Аллисон Г.* Концептуальные модели и Кубинский ракетный кризис // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 6. С. 256–266; 2001. № 1. С. 221–232.
4. *Аллисон Г.Т.* Ядерный терроризм. Самая страшная, но предотвратимая катастрофа. Пер. с англ. М.: ЛКИ, 2007.
5. Вопросы безопасности и стратегической стабильности: в терминах и определениях / Под ред. В.Н. Михайлова. М.: Госкорпорация “Росатом”, 2009.
6. *Гинзбург А.С.* Планета Земля в “послеядерную эпоху”. М.: Наука, 1987.
7. *Голицын Г.С., Гинзбург А.С.* Кибернетика, ноосфера и проблемы мира. М.: Наука, 1986. С. 78–93.
8. *Головин В.А., Пионтковский М.Н.* Эволюция концепции стратегической стабильности: ядерное оружие в XX и XXI веках. М.: ЛКИ, 2008.
9. *Демидов В.В., Дудин В.В.* Процесс принятия политических решений. Новосибирск: САУМК, 2008.
10. *Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А.* Социальная психология. М.: ФОРУМ – ИНФРА-М, 2008.
11. *Изюмова И.В.* Критерии доверия клиентов к организации при разной субъективной оценке риска для здоровья: Автореф. дисс. ... к. псих. н. М.: ИП РАН, 2009.
12. Климатические и биологические последствия ядерной войны / Под ред. Е.П. Велихова. М.: Наука, 1987.
13. *Кокошин А.А.* Заметки о проблеме ядерного терроризма в современной мировой политике. М.: УРСС, 2004.
14. *Кокошин А.А.* Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные вопросы. М.: КРАСАНД, 2009.
15. *Кокошин А.А.* Ядерные конфликты в XXI веке. Типы, формы, возможные участники. М.: Медиа-Пресс, 2003.
16. *Кольцова В.А., Нестик Т.А., Соснин В.А.* Психологическая наука в борьбе за мир: история, направления исследований // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 5. С. 5–15.
17. *Левитский Р., Сандерс Д., Барри Б., Минтон Дж.* Самое главное о переговорах. М.: ФОРУМ, 2006.
18. *Мельницкая Т.Е.* Информационно-психологическая безопасность населения в условиях риска радиационного воздействия: концепция, модель, техноло-

- гии: Автореф. дисс. ... д. псих. н. СПб.: СПб. ун-т, 2009.
19. Микоян С.А. Анатомия Карибского кризиса. СПб.: Academia, 2006.
 20. Нестик Т.А., Изюмова И.В. Социально-психологический анализ доверия к медицинским учреждениям // Научный поиск. Сборник научных работ студентов, аспирантов и преподавателей. 2005. Вып. 6. Ярославль. С. 208–213.
 21. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация: Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.
 22. Питток Б., Акерман Т., Крутцен П., Мак-Кракен М., Шапиро Ч., Турко Р. Последствия ядерной войны. Физические и атмосферные эффекты. М.: Мир, 1988.
 23. Прох В.Э., Марченко Т.А., Рыбников В.Ю., Мельницкая Т.Е. Информационно-психологическая безопасность населения территорий с объектами ядерной энергии. Учебное пособие. Дубна: Международный университет природы, общества и человека "Дубна", 2009.
 24. Роцин С.К., Соснин В.А. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества и государства // Российский монитор. 1995. № 6. С. 59–104.
 25. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
 26. Хащенко Н.Н. Социально-психологические факторы жизнедеятельности личности на экологически неблагоприятных территориях (Чернобыльский след): Автореф. дисс. ... к. псих. н. М.: ИП РАН, 2002.
 27. Чазов Е.И., Ильин Л.А., Гуськова А.К. Опасность ядерной войны. Точка зрения советских ученых-медиков. М.: АПН, 1982.
 28. Шибаршум Л.В. Рука Москвы: записки начальника советской разведки. М.: Центр-100, 1992.
 29. Ядерное распространение. Новые технологии, вооружения и договоры / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009.
 30. Ядерное сдерживание и нераспространение / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М.: Моск. Центр Карнеги, 2005.
 31. Adorno T.W., Frenkel-Brnswik E., Levinson D.J., Sanford R.N. The Authoritarian Personality. N.Y.: Harper & Row, 1950.
 32. Allen B.P. Defeating Denial: Limited Nuclear War and the Small World Problem // Journ. of Social Psychology. 1990. V. 130. Issue 5. P. 693–695.
 33. Allen B.P. Frightening Information and Extraneous Arousal: Changing Cognitions and Behavior Regarding Nuclear War // Journ. of Social Psychology. 1993. V. 133. Issue 4. P. 459–467.
 34. Allison G. Essence of Decision. Boston: Little, Brown, 1971.
 35. Altemeyer B. What Happens When Authoritarians Inherit the Earth? A Simulation // Analyses of Social Issues & Public Policy. 2003. V. 3. Issue 1. P. 161–169.
 36. Axelrod L.J., Newton J.W. Preventing Nuclear War: Beliefs and Attitudes as Predictors of Disarmist and Deterrentist Behavior // Journ. of Applied Social Psychology. 1991. V. 21. Issue 1. P. 29–40.
 37. Barsh D.P., Lipton J.E. The Caveman and the Bomb: Human Nature, Evojution and Nuclear War. N.Y., 1985.
 38. Bassett J.F. Psychological defenses against death anxiety: integrating terror management theory and firestone's separation theory // Death Studies. 2007. V. 31. P. 727–750.
 39. Berejikian J.D. A Cognitive Theory of Deterrence // Journ. of Peace Research. 2002. V. 39. No. 2. P. 165–183.
 40. Blight J.G. Can psychology help reduce the risk of nuclear war? Reflections of a "Little Drummer Boy" of Nuclear Psychology // Journ. of Humanistic Psychology. 1988. V. 28. Issue 2. P. 7–58.
 41. Blumberg H.H. Peace psychology after the Cold War: A selective review // Genetic, Social & General Psychology Monographs. 1998. V. 124. Issue 1. P. 5–37.
 42. Boehnke K., Schwartz Sh.H. Fear of War: Relations to Values, Gender, and Mental Health in Germany and Israel // Peace & Conflict. 1997. V. 3. Issue 2. P. 149–165.
 43. Brodie B. Strategy in the Missile Age. N.Y.: Princeton University Press, 1959.
 44. Bronfenbrenner U. The mirror image in Soviet-American relations: A social psychologist's report // Journ. of Social Issues. 1961. V. 17. P. 45–56.
 45. Browne M. The Atom and the Way. L.: Gollanez, 1946.
 46. Chandler M.A. Developing a measure of nuclear war anxiety: a factor analytic study // Humboldt Journ. of Social Relations. 1991. V. 16. Issue 2. P. 39–64.
 47. Christie D.J. Opposing Ideologies on the Immutability of Human Behavior and Social Systems // Peace & Conflict. 2003. V. 9. Issue 4. P. 333–337.
 48. Christie D.J. What is Peace Psychology the Psychology of ? // Journ. of Social Issues. 2006. V. 62. Issue 1. P.1–17.
 49. Colman A. Attitudes & Opinions // Youth Studies Australia. 1997. V. 16. Issue 1. P. 3–10.
 50. Columbus P.J. Attitudes about reality and college students' opinions about nuclear war // Psychological Reports. 1993. V. 73. Issue 1. P. 249–250.
 51. Davidson M. The Mid-Twentieth Century Atom. L.: Hutchinson, 1946.
 52. Deutsch M. Psychological alternatives to war // Journ. of Social Issues. 1962. V. 18. P. 97–119.

53. *Early-Adams P., Wallinga Ch., Skeen P., Paguio L.P.* Coping in the Nuclear Age: The Practitioner's Role // Families in Society. 1990. V. 71. Issue 9. P. 558–562.
54. *Fabick S.D.* Two Psychologically Based Conflict Resolution Programs: Enemy Images and US & THEM // Journ. for Social Action in Counseling & Psychology. 2007. V. 1. Issue 1. P. 72–81.
55. *Feshbach S., White M.J.* Individual Differences in Attitudes Towards Nuclear Arms Policies: Some Psychological and Social Policy Considerations // Journ. of Peace Research. 1986. V. 23. No. 2. P. 129–139.
56. *Fiske S.T., Fischhoff B., Milburn M.A.* Images of Nuclear War: An Introduction // Journ. of Social Issues. 1983. V. 39. No. 1. P. 1–6.
57. *Fox-Cardamone L., Hinkle St., Hague M.* The Correlates of Antinuclear Activism: Attitudes, Subjective Norms and Efficacy // Journ. of Applied Social Psychology. 2000. V. 30. Issue 3. P. 484–498.
58. *Frey K.* Nuclear Weapons as Symbols: The Role of Norms in Nuclear Policy Making // IBEI WORKING PAPERS. 2006/3. P. 4–19.
59. *Fuld K., Nevin J.A.* Why Doesn't Everyone Work to Prevent Nuclear War? A Decision Theory Analysis // Journ. of Applied Social Psychology. 1988. V. 18. Issue 1. P. 59–65.
60. *Greenberg J.* Understanding the Vital Human Quest for Self-Esteem // Perspectives on Psychological Science. 2008. V. 3. Issue 1. P. 48–55.
61. *Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon Sh.* The Causes and Consequences of a Need for Self-Esteem: A Terror Management Theory // Public Self and Private Self / Ed. by R.F. Baumeister. N.Y.: Springer-Verlag. 1986. P. 21–62.
62. *Gunn W.D., Horvath P.* The Effects of an Anti-Nuclear War Film on Attitudes toward Nuclear Issues // Journ. of Psychology. 1987. V. 121. Issue 6. P. 615–622.
63. *Hamilton S.B., Knox Th.A., Keilinwilliam G.* Relationship Between Family Socioeconomic Status and Cognitive/affective Responses to The Threat of Nuclear War // Psychological Reports. 1986. V. 58. Issue 1. P. 247–250.
64. *Hamilton S.B., Chavez E.L., Keitlin W.G.* Thoughts of Armageddon: The relationship between nuclear threat attitudes and cognitive / emotional responses // International Journ. of Mental Health. 1986. No. 15. P. 189–207.
65. *Hawley G.G., Leifson S.W.* Atomic Energy in War and Peace. N.Y.: Reinhold Publishing Co., 1945.
66. *Herek G.M., Janis I.L., Huth P.* Decision Making During International Crises // Journ. of Conflict Resolution. 1987. V. 31. Issue 2. P. 203–226.
67. *Hymans J.E.C.* The Psychology of Nuclear Proliferation. Identity, Emotions, and Foreign Policy. Massachusetts: Smith College, 2006.
68. *Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1976.
69. *Jervis R.* Cooperation Under the Security Dilemma // World Politics. 1978. V. 30. N 2. P. 167–214.
70. *Jervis R.* Perceiving and coping with threat // Jervis R., Lebow R.N., Stein J.G. Psychology and Deterrence. L.: The John Hopkins University Press. 1985. P. 13–33.
71. *Jervis R., Lebow R.N., Stein J.G.* Psychology and Deterrence. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1985.
72. *Johnson R.D.* From ground zero to a year after The Day After. Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association, Los Angeles, 1985.
73. *Kahn H.* On Escalation: Metaphors and Scenarios. N.Y.: Frederick A. Praeger, 1965.
74. *Khripunov I.* The Social and Psychological Impact of Radiological Terrorism // The Nonproliferation Review. 2006. V. 13. No. 2. P. 275–316.
75. *Khong Y.* Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu and the Vietnam Decisions of 1965. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.
76. *Kierulff St.* Armageddon Theology and the Risk of Global War: The Limits of Religious Tolerance in the Nuclear Age // Journ. of Humanistic Psychology. 1992. V. 32. Issue 4. P. 92–107.
77. *Kull St.* Minds at War: Nuclear Reality and the Inner Conflicts of Defense; Policymakers. N.Y.: Publisher Basic Books, 1988.
78. *Kulman I.R., Akamatsu T.J.* The Effects of Television on Large-Scale Attitude Change: Viewing "The Day After" // Journ. of Applied Social Psychology. 1988. V. 18. Issue 13. P. 1121–1132.
79. *Larsen K.S.* Attitudes toward nuclear disarmament and their correlates // Journ. of Social Psychology. 1985. V. 125. No. 1. P. 17–21.
80. *Lebow R.N.* Between Peace and War: The Nature of International Crisis. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.
81. *Mayton D.M.* Measurement of Nuclear War Attitudes: Methods and Concerns // Basic & Applied Social Psychology. 1988. V. 9. Issue 4. P. 241–263.
82. *Mayton D.M.* Personality Correlates of Nuclear War Threat Perception // Journ. of Social Psychology. 1986. V. 126. Issue 6. P. 791–700.
83. *Mayton D.M.* Spontaneous concern About Nuclear War by College Students // Basic & Applied Social Psychology. 1986. V. 7. Issue 3. P. 185–193.
84. *McClenney J.T., Neiss R.* Responses to the threat of nuclear war: An experimental study of attitudes. Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association. Toronto, August, 1984.

85. *McClenney L., Neiss R.* Psychological Responses to the Threat of Nuclear War // *Journ. of Applied Social Psychology*. 1989. Part 1. V. 19. Issue 15. P. 1239–1267.
86. *McKenzie-Mohr D., McLoughlin J.G., Dyal J.A.* Perceived Threat and Control as Moderators of Peace Activism: Implications for Mobilizing the Public in the Pursuit of Disarmament // *Journ. of Community & Applied Social Psychology*. 1992. V. 2. Issue 4. P. 269–280.
87. *Morawski J.G., Goldstein Sh.E.* Psychology and Nuclear War: A Chapter in Our Legacy of Social Responsibility // *American Psychologist*. 1985. V. 40. Issue 3. P. 276–345.
88. *Neale M., Bazerman M.* Negotiator cognition and rationality: A behavioral decision theory perspective // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1992. V. 51. P. 157–175.
89. *Nelson L., Slem C.* Attitudes about arms control and effects of The Day After. Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association, Toronto. ERIC Document Reproduction Service No. ED 257 699, 1984.
90. *Newcomb M.D.* Nuclear Attitudes and Reactions: Associations With Depression, Drug Use, and Quality of Life // *Journ. of Personality & Social Psychology*. 1986. V. 50. Issue 5. P. 906–920.
91. *Newcomb M.D.* Assessment of Nuclear Anxiety Among American Students: Stability Over Time, Secular Trends, and Emotional Correlates // *Journ. of Social Psychology*. 1989. V. 129. Issue 5. P. 591–608.
92. *Newcomb M.D.* Nuclear Anxiety and Psychological Functioning Among Young Adults // *Basic & Applied Social Psychology*. 1988. V. 9. Issue 2. P. 107–134.
93. *Paul T.V.* The tradition of non-use of nuclear weapons. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009.
94. *Pfiffher J.P.* Presidential Decision Making: Rationality, Advisory Systems, and Personality // *Presidential Studies Quarterly*. 2005. V. 35. P. 217–228.
95. *Pilisuk M.* Addictive Rewards in Nuclear Weapons Development // *Peace Review*. 1999. V. 11. Issue 4. P. 597–600.
96. *Pious S.* The Nuclear Arms Race: Prisoner's Dilemma or Perceptual Dilemma? // *Journ. of Peace Research*. 1993. V. 30. No. 2. P. 163–179.
97. *Russo Th.J., Lyon M.A.* Predictors of College Students' Levels of Knowledge and Concern about Nuclear War // *Journ. of Applied Social Psychology*. 1990. Part 2. V. 20. Issue 9. P. 739–750.
98. *Sakamoto T., Hoshiro H.* Simulating the Process of Policy Making: The Case of the Cuban Missile Crisis // *Conference Papers – International Studies Association*. 2006. Annual Meeting. P. 1–32.
99. *Schelling Th.C.* Arms and Influence. New Haven: Yale University Press, 1966.
100. *Schofield J., Fox D.L.* An experimental study of anti-nuclear war reactions. Paper presented at the annual meeting of the International Society of Political Psychology. San Francisco, July, 1987.
101. *Schofield J.W., Pavelchak M.A.* Fallout From The Day After: The Impact of a TV Film on Attitudes Related to Nuclear War // *Journ. of Applied Social Psychology*. 1989. V. 19. Issue 5. P. 433–448.
102. *Sergeev V.M., Akimov V.P., Lukov V.B., Parshin P.B.* Interdependence in a Crisis Situation // *Journ. of Conflict Resolution*. 1990. V. 34. Issue 2. P. 179–207.
103. *Silverman A.* Research in Social Movements: Where have all the peace activists gone? // *Conflicts & Change*. 1991. V. 13. P. 153–170.
104. *Silverman J.M., Kumka D.S.* Gender Differences in Attitudes Toward Nuclear War and Disarmament // *Sex Roles*. 1987. V. 16. Issue 3/4. P. 189–203.
105. *Simon M.W.* Asymmetric Proliferation and Nuclear War: The Limited Usefulness of an Experimental Test // *International Interactions*. 2004. V. 30. Issue 1. P. 69–85.
106. *Stewart G.A.* The Relationship Between Adolescents' Concern Over the Threat of Nuclear War and Several Personality Dimensions // *Canadian Journ. of Behavioral Science*. 1988. V. 20. Issue 4. P. 452–460.
107. *Tetlock Ph.E., McGuire Ch.B., Mitchell G.* Psychological Perspectives on Nuclear Deterrence // *Annual Review of Psychology*. 1991. V. 42. P. 239–276.
108. *The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order* / Ed. by B. Brodie. N.Y: Harcourt Brace, 1946.
109. *Van Ijzendoorn M.* Moral judgment and concern about nuclear war // *Youth & Society*. 1987. V. 18. Issue 3. P. 283–301.
110. *Wagner R.V.* Distinguishing between Positive and Negative Approaches to Peace // *Journ. of Social Issues*. 1988. V. 44. Issue 2. P. 1–15.
111. *Wagner R.V.* Psychology and The Threat of Nuclear War // *American Psychologist*. 1985. V. 40. Issue 5. P. 531–535.
112. *Wagner R.V.* Tribute to Milton Schwebel, Editor par Excellence // *Peace & Conflict*. 2001. V. 7. Issue 3. P. 197–200.
113. *Waldron I., Baron J., Frese M., Sabini J.* Activism Against Nuclear Weapons Build-up—Student Participation in the 1984 Primary Campaigns // *Journ. of Applied Social Psychology*. 1988. V. 18. Issue 10. P. 826–836.
114. *Wallinga Ch., Boyd B.J., Skeen P., Paguio L.P.* Children and Nuclear War // *Childhood Education*. 1991. V. 67. Issue 4. P. 260–264.
115. *Werner P.D., Roy P.J.* Measuring activism regarding the nuclear arms race // *Journ. of Personality Assessment*. 1985. V. 49. P. 181–186.

116. *Wilkins R., Lewis Ch.* Sex and drugs and nuclear war: secular, developmental and Type A influences upon adolescents // *Journ. of Adolescence*. 1993. V. 16. Issue 1. P. 23–41.
117. *Wohlstetter A.* The Delicate Balance of Terror // *Foreign Affairs*. 1959. V. 37. No. 2. P. 211–234.
118. *Zimbardo Ph.* *The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil*. N.Y.: Random House, 2007.
119. *Zweigenhaft R.L., Jennings Ph., Rubinstein St.C., Van Hoorn J.* Nuclear Knowledge and Nuclear Anxiety: A Cross-Cultural Investigation // *Journ. of Social Psychology*. 1986. V. 126. Issue 4. P. 473–484.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF STRATEGIC STABILITY AND NUCLEAR DETERRENCE

A. L. Zhuravlev^{*}, T. A. Nestik^{}, V. A. Sosnin^{***}**

^{*} *Corresponding Member of RAS, Director of the Establishment of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology RAS, Sc.D. (psychology), professor, Moscow;*

^{**} *PhD, research assistant, the same place;*

^{***} *PhD, assistant professor, senior research assistant, the same place*

Perspective trends in psychological researches of strategic stability and nuclear deterrence in international relations are considered in the article. A conceptual language for problem's description is analyzed; the specific character of psychological peculiarities of nuclear confrontation – virtuality of nuclear threat, phenomenon of risk and trust, peculiarities of “lose-lose” relationships, psychological peculiarities of political leaders – is defined. An international review on the problem is given. The most important scientific problems – intergroup relations “lose-lose”, socio-psychological aspects of nuclear terrorism, interpretation of nuclear threat in mass's consciousness, psychological mechanisms of trust and risk in nuclear confrontation – are marked out in the conclusion.

Key words: international security, strategic stability, nuclear deterrence, equality of security, nuclear conflict, nuclear crisis, nuclear threshold, political and psychological problems, political psychology, balance, dynamic range, ambiguity, negotiations, escalation, crisis management, group decision, risk, trust, virtuality.